ИСТОРИЯ

К.В. ИВАНОВ
(ИГУ, Иркутск)

Проблема коллаборационизма в колониальной Корее (1904–1945): Исторические противоречия и современный дискурс

Тех, кто в колониальный период сотрудничал с японцами, в Корее называют *чхинильпха* — «прояпонская фракция». Изначально так называли лишь связанных с Японией корейских политиков. Однако сотрудничество с японцами оказывалось единственным способом обеспечить спокойную жизнь не только для бизнесменов, религиозных деятелей, чиновников и общественных деятелей, но и для многих простых корейцев.
В конце XX в. в Республике Корея начали составлять так называемые «списки *чхинильпха*» и проводить судебные процессы с целью официального признания того или иного человека коллаборационистом, что каждый раз вызывало бурную дискуссию в корейском обществе. Статья посвящена проблеме сотрудничества корейцев с японской администрацией в колониальный период — одному из самых больных вопросов истории Кореи.
Ключевые слова: *Корея*, *Япония*, *коллаборационизм*, *японская колониальная администрация*, *ассимиляционная политика*.

Проблема сотрудничества корейцев с японскими властями в первой половине XX в. является одним из самых острых вопросов корейской истории. Вплоть до наших дней как в самой Корее, так и за ее пределами не прекращается дискуссия на эту тему. Как относиться к тем корейцам, которые сотрудничали с японскими властями? Чем руководствовались корейцы, идя на это? Справедливо ли всех сотрудничавших с японцами причислять к так называемым *чхинильпха* («прояпонской фракции»)? Эти вопросы до сих пор остаются неразрешенными во многом из-за нежелания спорящих сторон (в особенности внутри самой Кореи) прийти к консенсусу. Необходимо заранее уточнить, что термин «коллаборационизм» здесь трактуется в его широком значении — «сотрудничество с врагом в ущерб своему государству». Хотя подобное значение не лишено определенной идеологической окраски, автору представляется возможным заменять в целях удобства словосочетание «сотрудничество с японской администрацией» термином «коллаборационизм».

Говоря о современном дискурсе колониальной проблемы, мы в первую очередь подразумеваем южнокорейский дискурс, поскольку, как известно, в современной Северной Корее в силу политических причин подобные проблемы, как правило, рассматриваются несколько однобоко.

На наш взгляд, следует с самого начала разграничить формы сотрудничества с японцами. Крупных чиновников, полицейских начальников, торговцев, промышленников, а также ряд представителей интеллигенции, сотрудничавших с японской администрацией, современные исследователи однозначно причисляют к коллаборационистам, *чхинильпха*. Но необходимо выделить в отдельную категорию тех, кого можно назвать «коллаборационистами поневоле». К этой группе можно отнести мелких чиновников, публицистов, рядовых полицейских, тех корейцев, кто добровольно пошел служить в японскую армию еще до введения всеобщей воинской повинности в Корее. Эти люди в большинстве своем руководствовались карьерными либо идейными мотивами и не получали от своего сотрудничества каких-либо особых преференций, в отличие от *чхинильпха*. Необходимо уточнить, что нельзя причислять к коллаборационистам корейцев, насильственно мобилизованных для работы в сельском хозяйстве, промышленности и службы в армии, так как их деятельность не была добровольной.

Несомненно, не следует считать, что на сотрудничество с японцами шли лишь предатели национальных интересов. Не идеализируя японцев и генерал-губернаторство, необходимо признать, что многие корейцы работали вместе с японцами и на японцев не по причине отсутствия национального самосознания, но по причине иного склада ума и мыслей, который зачастую бывает сложно понять, подходя к нему с мерками начала XXI в.

Надо сказать, что в начале XX в. для многих корейцев, стремившихся к модернизации своей страны, Япония была образцом развития. За несколько десятилетий она прошла путь от страны, полностью изолированной от внешнего мира, до молодой державы, одержавшей победу над Китаем в войне 1894–1895 гг. и над Россией в 1904–1905 гг. Подобные успехи убеждали многих образованных корейцев в эффективности развития страны по японскому образцу. Далее же мнения корейской интеллигенции расходились. Одни считали, что только самостоятельное развитие является приемлемым для Кореи. Другие полагали, что нет ничего зазорного в том, чтобы воспользоваться помощью Японии, в том числе и за счет ущемления собственной независимости.

После подписания Канхваского договора в 1876 г. и японо-корейского договора в 1886 г. усилилась зависимость Кореи от Японии — как экономическая, так и политическая. Таким образом, к началу XX в. в Корее уже имелся определенный слой людей, в том числе часто упоминаемых торговцев и промышленников, благосостояние которых во многом зависело от взаимоотношений с Японией. Сформировался и круг чиновников, в том числе и крупных, занимавших прояпонские позиции, — именно их первоначально и называли *чхинильпха*.

В августе 1904 г. при содействии японцев было создано Ильчинхве (Общество единения и прогресса), которое возглавил Сон Бёнджун — бывший корейский чиновник, в тот момент проживавший в Японии[1]. Ильчинхве финансировалось рядом японских бизнесменов при поддержке правительства Японии. Чуть позже в Ильчинхве вступили несколько корейских министров, в том числе печально известный Ли Ванён. Впрочем, вступили они тайно, вероятно, опасаясь окончательного падения авторитета среди большинства корейцев. Главной идеей, пропагандируемой Ильчинхве, было капиталистическое развитие Кореи при помощи Японии.

---

[1] *Тихонов В.М.* История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век. М., 2011. С. 28.

Насколько можно судить, основную массу членов Ильчинхве составляли чиновники и бизнесмены, которые были заинтересованы в тесных контактах с японцами. Главной целью Ильчинхве стало привлечение на свою сторону как можно большего числа людей из верхушки корейского общества. После аннексии Япония посчитала, что общество сыграло свою роль, и 26 сентября 1910 г. Ильчинхве было распущено по указу генерал-губернатора Тэраути Масатакэ. Впрочем, всем бывшим членам общества были произведены денежные выплаты. Также после аннексии представителям высшего корейского дворянства были присвоены соответствующие ранги дворянства японского.

Вместо Ильчинхве генерал-губернаторство провозгласило создание нового органа корейских представителей при генерал-губернаторстве. Чунчхувон (иногда именуемый Центральным или Консультативным советом) был создан в конце 1910 г., однако до 1919 г. он ни разу не собирался на общие заседания. Лишь после восстания 1919 г. было принято решение о необходимости постоянной работы Чунчхувона, и с середины 1919 г. совет начал работать на постоянной основе. Чунчхувон являлся лишь совещательным органом, к тому же созывался он преимущественно для консультаций по вопросам обычаев и верований. До решения серьезных вопросов его не допускали[2].

Для корейских бизнесменов прояпонская ориентация была равнозначна возможности спокойно и по возможности успешно вести бизнес. В 1910-х годах крупная корейская буржуазия состояла в значительной степени из высших слоев старого корейского чиновничества. В течение последующих десятилетий на арену вышли корейцы менее знатного происхождения, но не менее ловкие в предпринимательстве. Одним из наиболее известных представителей этого типа людей был Пак Хынсик (1903–1994). Ему принадлежали контрольные пакеты акций в компаниях по производству масел и бумаги, в нефтяных и машиностроительных предприятиях. Также он был владельцем нескольких банков и являлся президентом совместной японо-корейской авиационной компании[3].

Помимо предпринимательства была и другая сфера, предполагавшая сотрудничество с колониальными властями, — это общественная деятельность и публицистика. Одним из важнейших обществ паназиатской направленности было Ёнджонхве (Общество по изучению политики), которое пропагандировало идею объединения Восточной Азии под властью Японии, при этом Корея виделась им как автономный регион в составе Японской империи. Для пропаганды своих идей члены общества выпускали ежегодные сборники и публиковали статьи в газете «Тона ильбо», которая выходила на корейском языке[4]. Среди авторов «Тона ильбо» был и Чхве Намсон (1890–1957) — один из составителей Декларации независимости Первомартовского движения 1919 г. Основным направлением публицистической деятельности Чхве Намсона стала антисоветская пропаганда.

Другой организацией, ориентированной на образованные слои Кореи, стал Комитет по составлению истории Кореи. Нужно отметить, что председатель комитета назначался генерал-губернаторством и, как правило, был японцем. Тем не менее большинство исследователей и составителей были корейцами. В их число входил Ли Бён-

[2] *Хан Ёнъу*. История Кореи: новый взгляд. М., 2010. С. 461.
[3] *Шабшина Ф.И.* В колониальной Корее (1940–1945). М., 1992. С. 116.
[4] *Пак М.Н.* История и историография Кореи. М., 2003. С. 782.

до (1896–1989), который впоследствии стал известным историком Республики Корея и сторонником теории благотворного влияния Японии на Корею. Близкой, но более сдержанной точки зрения придерживался в своих работах его ученик Ли Гибэк (1924–2004). По словам Ли Гибэка, «во многом благодаря учащимся за границей, в том числе в Японии, корейцы смогли развить современную мысль и науку»[5]. Можно понять его слова, учитывая то, что в начале 1940-х годов он учился в Японии в университете Васэда.

Для корейских религиозных деятелей сотрудничество с японцами также зачастую являлось непременным условием для нормальной жизни. Крупных религий в Корее японцы насчитывали три: синтоизм, христианство и буддизм. Традиционные корейские шаманские верования в расчет не принимались.

Нужно отметить, что в «списках *чхинильпха*», которые были созданы в конце XX в., практически отсутствуют христианские религиозные деятели, в то время как буддистских деятелей там насчитывается немало, например Квон Санно (1879–1965), который во время Второй мировой войны выступал с призывами к монахам трудиться ради победы Японии. Тем не менее после войны он до самой смерти был старейшиной буддийской общины, а в 1962 г. был награжден орденом за культурные заслуги.

Сотрудничество с Японией корейской интеллигенции также вызывает множество вопросов. Несомненно, в условиях колониального режима деятелям культуры, публицистам и религиозным деятелям необходимо было проявлять лояльность к генерал-губернаторству. Однако многие из тех, кто в 1937–1945 гг. яро отстаивал прояпонские или, в лучшем случае, паназиатские идеи, после освобождения Кореи пользовались уважением общества и занимали высокие государственные посты. В качестве примера можно рассмотреть деятельность трех весьма неоднозначных представителей корейской интеллигенции. Это Чо Мансик (1883–1950), Ким Сонсу (1891–1955) и Чан Доксу (1894–1947). Все трое придерживались националистических или паназиатских взглядов.

Чо Мансик, который был известен как националист, во время проведения кампании по смене имен публично отказался брать себе японское имя, хотя в то время открытое выражение подобных взглядов легко могло окончиться тюремным заключением. После 1940 г., когда были закрыты все корейскоязычные газеты, за исключением официальной газеты генерал-губернаторства «Мэиль синбо», он на время отошел от публицистики, однако с 1942 г. в печати стали появляться его статьи, где он призывал корейских учащихся идти добровольцами в японскую армию[6].

Ким Сонсу, основатель газеты «Тона ильбо» и сторонник паназиатских идей, был активным участником прояпонских патриотических организаций и во время войны активно поддерживал Японию. Например, в ноябре 1943 г. в «Мэиль синбо» вышла его статья «Когда нужно умереть за справедливость, великая честь быть подданным императора»[7].

И наконец, Чан Доксу, который долгое время считался корейским патриотом, но во время войны резко переменил свои взгляды, о чем свидетельствуют заголовки его статей, например «Без победы Японии Восточная Азия не будет освобождена»[8].

---

[5] *Ли Гибэк*. История Кореи: новая трактовка. М., 2000. С. 381.
[6] *Шабшина Ф.И.* Указ. соч. С. 105.
[7] Там же. С. 116.
[8] Там же.

Кроме того, Чан Доксу и до, и после 1945 г. водил тесную дружбу с уже упоминавшимся корейским бизнесменом Пак Хынсиком. Эта дружба продолжилась и после оккупации Юга Кореи американскими войсками.

Тем не менее после 1945 г. Чо Мансик, Ким Сонсу и Чан Доксу продолжили успешно заниматься общественной деятельностью. Чо Мансик, проживавший в северной части Кореи, в конце 1945 г. составлял заметную конкуренцию Ким Ирсену в борьбе за власть. Ким Сонсу в 1948 г. возглавил Демократическую партию Кореи. В 1951 г. он стал премьер-министром Республики Корея, правда, всего на год. А Чан Доксу, его однопартиец, был главой Демократической партии в 1945–1947 гг.

Начало периода радикальной ассимиляции в конце 1930-х годов ознаменовалось рядом любопытных мер. Во-первых, отныне корейцам разрешалось исповедовать религию синто, что можно считать формальным приравниванием корейцев к японцам, учитывая, что синто — национальная религия. Однако, по официальным данным генерал-губернаторства, религия синто не была популярна среди корейцев — ее последователей насчитывалось не более 21 тыс. человек, большинство из которых, как мы полагаем, шли на принятие новой веры по карьерным соображениям.

Другой мерой по ассимиляции, о которой чаще всего упоминают, была кампания по смене имен 1939–1940 гг. В 1939 г. был отменен запрет для корейцев брать себе японские фамилии (запрет был введен в 1910 г.), а в 1940 г. указ был дополнен разрешением брать японские имена. В течение двух лет новые фамилии и имена взяли 65–85% корейских семей. Однако, учитывая то, что с корейским именем нельзя было поступить в школу, получать пайки и официальные документы, сложно назвать кампанию по смене имен иначе как принудительной[9].

Одним из важнейших элементов интеграции корейцев в японскую культуру была армия. Для корейцев путь в нее открылся лишь в 1937 г., однако для тех корейцев, которые проживали в самой Японии, ограничений не было и до этого. Поначалу корейцам было разрешено добровольно поступать на службу в японскую армию, но лишь во вспомогательные подразделения. Вскоре после начала войны с США, в 1942 г. в Корее было введено обязательное военное обучение с последующей возможностью обучаться в японских военных академиях. Возможностью стать офицером воспользовалось немало корейцев, но отправлять их на фронт против Китая или США японцы не спешили. Основным занятием новоиспеченных офицеров-корейцев была контрпартизанская борьба в Маньчжурии. Одним из наиболее известных людей, прошедших такой путь, был Пак Чонхи (1917–1979), который после освобождения Кореи был принят в новую армию как опытный военный, затем уволен по подозрению в участии в заговоре, но вскоре снова вернулся в строй в связи с началом Корейской войны. Впоследствии Пак Чонхи стал президентом Республики Корея, диктатором (находился у власти в 1961–1979 гг.).

Пополнение рядов японской армии было результатом не только пропаганды, но и простого стремления к лучшей жизни. Но можно однозначно сказать, что многие из нескольких тысяч корейцев (здесь не учитываются насильственно призванные во вспомогательные войска), которые служили в японской армии, вступили в нее, ведомые идеей войны за единую с Японией Корею. Показательны данные о 16 погибших корейских летчиках-камикадзе в возрасте от 17 до 27 лет. Сложно сказать, сколько

[9] *Хан Ёнъу*. Указ. соч. С. 496.

еще корейцев готовились стать камикадзе, но явно немало. Хотя 16 человек среди почти 4000 погибших камикадзе практически незаметны, но привлекает внимание сам факт существования камикадзе-корейцев, добровольно идущих на смерть ради Японии, поющих перед вылетом национальную корейскую песню «Ариран», и то, что их героической смерти посвящали стихи корейские поэты[10]. Пожалуй, можно согласиться с мнением японских и корейских исследователей, что важную роль тут сыграли молодость корейских камикадзе и умелая пропагандистская политика Японии.

После освобождения Кореи в 1945 г. и провозглашения Республики Корея на юге полуострова в августе 1948 г. был издан закон о преследовании корейцев, которые в колониальный период сотрудничали с японцами, однако уже в 1951 г. закон был отменен. Причиной во многом послужило то, что среди высокопоставленных корейцев-*чхинильпха* было много тех, кто поддерживал режим Ли Сынмана. Тогда же был введен в обращение нейтральный термин *чиильпха* (букв. «фракция знающих Японию»).

В конце XX в. в связи с процессом демократизации в Республике Корея был снова поднят вопрос о коллаборационизме. В 1994 г. была начата работа над составлением так называемых «словарей *чхинильпха*». В 2002 г. был опубликован список представителей высших слоев корейского общества, сотрудничавших с японцами[11]. К 2009 г. при поддержке южнокорейского парламента было выпущено трехтомное издание, в котором содержались данные по коллаборационистской деятельности уже 4 389 человек[12]. В то же время многие, в том числе и родственники людей, упомянутых в списках, выступают против публикации подобного рода материалов, особенно учитывая то, что зачастую прояпонская деятельность лиц, включенных список, не находит подтверждения.

29 декабря 2005 г. в Республике Корея вступил в силу «Специальный закон о возвращении имущества прояпонских коллаборационистов», согласно которому имущество потомков *чхинильпха* подлежало частичной или полной конфискации в пользу государства. Однако многие сочли закон антиконституционным и нарушающим права человека. В результате применение закона на практике оказалось сопряжено с большим количеством судебных тяжб, в ходе которых потомкам тех, кто причислен к *чхинильпха*, нередко удается отстоять свои права[13].

Колониальный период истории Кореи очень неоднозначен. Его нельзя назвать абсолютно «мрачным, темным периодом истории Кореи», как зачастую делают многие корейские исследователи. Надо учитывать, что Японию как лидера Дальнего Востока принимала не только верхушка корейского общества, но и многие корейцы, стремившиеся к переменам. Для многих корейцев сотрудничество с Японией стало «путевкой в жизнь», например для Пак Кёнвон (1901–1933) — одной из первых корейнок-пилотов, которая обучалась в японской авиашколе. Или для Пак Чонхи, который

---

[10] *Ким Хвангюн*. Сакхураро чида (Отцвести словно сакура) [Электронный ресурс]. URL: http://koreada.com/jboard/?p=detail&code=supil&id=162&page=8

[11] Обнародован список из 708 корейцев-коллаборационистов // KBS WORLD [Electronic resource]. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=884

[12] Справочник прояпонских элементов представлен общественности // KBS WORLD [Electronic resource]. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=21717

[13] Отмена конфискации имущества прояпонских элементов // KBS WORLD [Electronic resource]. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/archive/news_newissue.htm?No=2230

поступил в японское военное училище после нескольких лет работы учителем. Сотрудничество с японцами не обязательно означало предательство Кореи. Вероятнее всего, многие корейцы искренне считали японское управление Кореей злом, но допустимым злом, во многом способствовавшим модернизации самой Кореи.

При этом в последние годы в Южной Корее продолжаются судебные процессы по признанию того или иного человека коллаборационистом, что каждый раз вызывает бурную дискуссию в корейском обществе. Таким образом, проблема сотрудничества с японской администрацией в колониальный период до сих пор остается одним из самых больных вопросов корейской истории.

Литература

Ли Гибэк. История Кореи: новая трактовка / Пер. с корейского под ред. С.О. Курбанова. М.: Первое марта, 2000.

Обнародован список из 708 корейцев-коллаборационистов // KBS WORLD [Electronic resource]. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_Po_detail.htm?No=884 (дата обращения — 1.03.2013).

Отмена конфискации имущества прояпонских элементов // KBS WORLD [Electronic resource]. URL: http://world.kbs.co.kr/russian/archive/news_newissue.htm?No=2230 (дата обращения — 15.11.2012).

Пак М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды. М.: Вост. лит., 2003.

Справочник прояпонских элементов представлен общественности // KBS WORLD [Electronic resource]. URL: http://rki.kbs.co.kr/russian/news/news_Dm_detail.htm?No=21717 (дата обращения — 9.11.2012).

Тихонов В.М. История Кореи: В 2 т. Т. 2: Двадцатый век / В.М. Тихонов, Кан Мангиль. М.: Наталис, 2011.

Хан Ёнъу. История Кореи: новый взгляд / Пер. с корейского под ред. М.Н. Пака. М.: Вост. лит., 2010.

Шабшина Ф.И. В колониальной Корее (1940–1945). Записки и размышления очевидца / Отв. ред. Ю.В. Ванин. М.: Наука, 1992.

Ким Хвангюн. Сакхураро чида (Отцвести словно сакура) [Электронный ресурс]. URL: http://koreada.com/jboard/?p=detail&code=supil&id=162&page=8 (дата обращения — 9.10.2012).